

Литература:

1. Ванюков Д.А. Хрущевская оттепель. М.: ООО ТД «Издательство Мир книги», 2007. 240 с.
2. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 52. Д. 204.
3. Свердловский юридический институт. М.: Юридическая литература, 1981.
4. ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 15. Д. 336.
5. Архив УрГУ. Св. 62.
6. Сталинец. 1953. 28 октября.
7. Архив музея УрГУ. Доп. фонд.
8. ГАСО. Ф. 2110р. Оп. 2. Д. 347.
9. ГАРФ. Ф. 8080. Оп. 49. Д. 211.
10. Кондрашева М.И., Смыкалин А.С. Воспоминания выпускников и ветеранов. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 2001. 84 с.
11. Пихоя Р.Г. Москва. Кремль. Власть. Сорок лет после войны, 1945-1985. М.: Русь-Олимп: Астрель: АСТ, 2007. 715 с.
12. Меметов, В.С., Будник Г.А. «Не созданы Вы для легких путей» // Интеллигенция современного мира в ее многообразии: материалы XXIV Международной научно-теоретической конференции. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2013. 232 с.

УДК

37.013(47)''17''

ББК 4403(2)5-4

ГСНТИ 03.21.31

Код ВАК 07.00.02

Е. С. Соколова

Екатеринбург

«СВЯТОСТЬ ЗАКОНА...В ГЛАЗАХ НАРОДА...»: О НЕКОТОРЫХ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЯХ В ИМПЕРАТОРСКОМ ЦАРСКОСЕЛЬСКОМ ЛИЦЕЕ (1811 – 1817)

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Императорский Царскосельский Лицей, реформа образования, историко-юридические дисциплины, законность, законодательное регулирование, конституционализм, научная парадигма, преподавательские стратегии, формализация образования, педагогическое мастерство.

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена выявлению профессиональных критериев и социокультурных аспектов профессорско-преподавательской деятельности в пушкинском выпуске Императорского Царскосельского Лицея. На примере изучения педагогических стратегий А.П. Куницына в

преподавании историко-правовых и юридических дисциплин автор приходит к выводу о решающей роли личностного начала даже в условиях формализации высшего образования.

E. S. Sokolova

Yekaterinburg

«SANCTITY OF THE LAW ... IN THE EYES OF THE PEOPLE ...»: SOME TEACHING STRATEGIES IN THE IMPERIAL TSARSKOE SELO LYCEUM (1811 - 1817)

KEYWORDS: Tsarskoe Selo Lyceum, education reform, historical and legal discipline, legality, legal regulation, constitutionalism, scientific paradigm, teaching strategies, formalization of education, pedagogical skills.

ABSTRACT: The article is devoted to the identification of professional criteria and socio-cultural aspects of the teaching activity in the Pushkin issue Imperial Lyceum in Tsarskoye Selo. For example, the study of pedagogical strategies A. P. Kunitsyn in the teaching of legal, historical and legal disciplines, the author comes to the conclusion about the crucial role of personal identity even in the face of formalization of higher education.

В истории российской педагогической и общественно-политической мысли Нового времени образ «идеального профессора» занимает особое место. Научный потенциал того или иного «персонажа-актера» обычно блекнет под воздействием его личностных качеств, красноречия и полемического задора. Существует немало документальных свидетельств о существовании среди наиболее передовой по своим профессиональным взглядам университетской профессуры особого корпоративного взгляда на просветительскую сущность лекционных курсов и иных аудиторных форм общения с молодыми интеллектуалами. Находясь в мае 1838 г. проездом в Вене, молодой Т.Н. Грановский писал Н.В. Станкевичу о своем пылком желании работать так, чтобы «результат моей работы был в ту же минуту полезен другим» (1. С. 321). Дар красноречия, теплая душа и высокие убеждения почитались в ту эпоху если и не альтернативой, то необходимым дополнением к научной эрудиции и профессиональному мышлению лектора.

Век информационных технологий ознаменован весьма непростым переходом от монологической парадигмы образования к деятельностным образовательным технологиям, требующим от педагога-профессионала умения быть модератором студенческой

аудитории. Ностальгия по классно-урочной системе, присущая сегодня значительной части педагогического сообщества, с особой силой проявляется среди вузовских преподавателей. Многие коллеги находятся в ситуации выбора активных и интерактивных методов обучения, не определив для себя, что же является наиболее адекватным способом выработки научно-практического стиля мышления у будущих дипломированных специалистов, в том числе и у историков-педагогов. Тем не менее, опыт предшествующих эпох свидетельствует о том, что и классно-урочная система, в пору своего расцвета неоднозначно воспринималась обществом, а ее результативность во многом зависела от умения преподавателя эффективно использовать свой интеллектуальный потенциал и должным образом отзываться на потребности времени.

В те исторические периоды, когда сфера образования из прагматических целей превращалась в приоритетное направление государственной политики, на повестку дня всегда ставилась задача формализации учебных курсов. Это нередко порождало внутренний конфликт между социокультурной природой преподавательской деятельности и охранительными началами ее правового регулирования. Так или иначе, но отечественный опыт высшего профессионального образования свидетельствует о том, что любая форма его реализации требует творческого подхода, и сама по себе, без воздействия личностного начала, обречена на повседневную рутину. Подобные контрасты присутствуют даже в тех историко-культурных моделях, идеализация которых является своеобразной данью уважения историографической традиции.

Специфика коллизий, возникающих в научно-педагогической практике между возможным и должным на фоне превращения системы образования в мощное средство воздействия на различные слои общества, хорошо прослеживается на примере первых лет деятельности Императорского Царскосельского Лицея. Его открытие в 1811 г., стало отражением одного из магистральных направлений университетской реформы начала XIX, которое заключалось в признании юридического образования, в том числе и его историко-правовой составляющей, важным элементом профессиональной подготовки будущих государственных служащих.

Особое внимание Александр I и его ближайшее окружение уделили организации преподавания исторических наук и правоведения

в закрытых учебных заведениях для дворянства как социального слоя, наиболее подготовленного по образу своего воспитания к государственно-политической деятельности. В одном из докладов М. М. Сперанского, представленном «на Высочайшее Имя», отмечалась необходимость установления жесткого государственного контроля за системой воспитания и образования юношества, «чтобы подчинить себе ... подрастающее поколение» (7. С.36). Между тем, дворянство александровской поры еще носило в душе корпоративное сознание своего коренного отличия от прочих сословий и сознательно избегало отдавать своих детей в гимназии и университеты, блокируя, таким образом, попытку правительства открыть эти виды учебных заведений для лиц всех правовых состояний.

Серьезной проблемой для дворянства обернулся указ от 6 августа 1809 г. об экзаменах в предметах, знание которых считалось необходимым для получения чинов по статской службе. В частности, «испытания», предусмотренные по университетскому курсу, должны были проходить лица дворянского происхождения, не имевшие ученого аттестата, но по выслуге лет получившие право на производство в 8-й или 5-й класс по Табели о рангах. Это обстоятельство ставило перед многими дворянами вопрос о новых критериях образования для их детей, ибо теперь к нему предъявлялись требования, которые оказывались не под силу модным в то время иезуитам и гувернерам-французам. Мемуары и переписка современников, посвященные данным сюжетам, свидетельствуют, сколько затруднений встречали усилия родителей дать детям соответствующее их общественному положению воспитание и образование.

Введение образовательного ценза для государственных служащих сопровождалось законодательными инициативами в пользу разночинцев с университетскими дипломами, дававшими возможность быстрого продвижения по бюрократической лестнице. Помимо этого, по указу от 24 апреля 1811 г. дворяне, не имеющие высшего образования, зачислялись на должности канцеляристов с правом дальнейшей выслуги на общих основаниях. На фоне этих реалий открытие Императорского Царскосельского Лицея носило характер социально-политического компромисса в области поддержки сословных образовательных учреждений закрытого типа, которые существовали в России с конца XVII в.

Согласно «Постановлению о Лицее» от 12 августа 1810 г. курс обучения будущих его воспитанников предполагалось составить из предметов, «приличных важным частям государственной службы». Общее образование расценивалось как основа специальной подготовки и включало историю, логику, грамматику древних и новых языков, основы естественных наук, изящную словесность. Начиная с четвертого курса первостепенное внимание уделялось преподаванию юридических дисциплин. Лицейские программы сближались с преподаванием права на нравственно-политическом отделении Московского университета, открытие которого было предусмотрено в университетском уставе 1804 г. Наличие лицейского аттестата давало право поступления на все виды государственной службы с чином X – IX классов без дополнительной университетской подготовки. Директор Лицея получал чин V класса, который соответствовал должности университетского ректора. Профессора и адъюнкты, «равно как вдовы и дети их», пользовались правом на пенсии наравне с университетскими служащими (7. С. 36 – 37).

Практическая направленность лицейского образования предопределила некоторые особенности учебного процесса. Согласно отзывам самих выпускников наиболее серьезным недостатком преподавания в Лицее была многопредметность в сочетании с поверхностным изложением материала. Когда в 1815 г. наставник пушкинского выпуска по юриспруденции А.П. Куницын обратился к министру просвещения с просьбой о выделении ставки помощника, ему было указано на кардинальное различие между научным направлением университетов и Лицеем, где «молодые люди образуются к особой цели, не требующей глубоких познаний». Помимо этого А.К. Разумовский предостерег Куницына от стремления тратить на подготовку к лекциям «слишком много времени... как то бывает у профессоров университетских» (6. С. 123, 201 - 202).

Жизнь, однако, распорядилась иначе. Трудно представить, чтобы вчерашние геттингенские студенты, занявшие лицейские кафедры, мыслили себя лишь «чиновниками по научному ведомству», как позже не раз назовут их официальные историографы Лицея. В блестящем «Наставлении воспитанникам», прочитанном на лицейских торжествах 19 октября 1811 г., молодой Куницын пылко обратился к своим будущим ученикам с первым напутствием. Произнесенное им «приветствие меж царственных гостей» запомнилось его питомцам не

только живостью изложения и красотой слога. Едва ступив под своды Лицея, они впервые услышали о бремени политической ответственности государственного деятеля, вынести которое можно лишь при условии обширных познаний «о первоначальных причинах благоденствия и упадка государств» и понимании исторического «существа гражданских обязанностей» (5. С. 7 - 10).

Речь Куницына не противоречила тем законоположениям «Постановления о Лицее», где говорилось о нравственно-политических и исторических науках, которые «при вступлении воспитанников в курс окончательный» должны были занимать первое место. Обязанности же лицейских наставников заключались в том, чтобы научить юношество «мыслить, а потом уже искать выражений, и никогда не терпеть, чтобы они употребляли слова без ясных идей». Способ достижения этих целей предполагал «не затемнять умы детей пространными изъяснениями, а возбуждать собственное действие», воспитывая привычку к правильным и регулярным занятиям (7. С. 37 – 38).

Сравнивая дидактическую основу «Положения о Лицее» с «Проектом устава духовных академий» 1809 г., в составлении которого принимал участие Сперанский, официальный историограф Лицея И.Я. Селезнев отмечал сходство принципов обучения. Возможно, что оба документа восходят к более раннему памятнику отечественной педагогики, связанному с деятельностью М.В. Ломоносова. Сочиненный им «Проект регламента московских гимназий» 1755 г., содержит рекомендацию следить при обучении «школьников», чтобы «разного рода понятиями не отягощать (умы – Е. С.) и не приводить их в замешательство» (4. С. 450).

Разумеется, многое зависело от таланта, профессиональной эрудиции и добросовестности лицейских наставников. История первого лицейского выпуска свидетельствует о том, что ведущая роль в его обучении принадлежала Куницыну, адъюнкт-профессору нравственных наук. Даже М.А. Корф, дававший впоследствии весьма негативную оценку методике лицейского преподавания, признавал несомненную педагогическую одаренность своего бывшего «ментора», хотя расценивал его научную деятельность как весьма посредственную. А.С. Пушкин, живой ум которого отмечали все лицейские преподаватели, по словам И.И. Пущина, наоборот, охотнее

всего занимался в классе Куницына, выделяя его среди прочих профессоров.

Самым большим недостатком, свойственным не только Куницыну, но и всем его коллегам по Лицею, было отсутствие научно-педагогического опыта, не позволявшее должным образом организовать занятия лицеистов в условиях жесткой законодательной регламентации учебных курсов. Эта проблема усугублялась неодинаковой подготовкой воспитанников, полученной ими в домашних условиях до поступления в Лицей, что требовало значительных корректировок. Для того чтобы сгладить неравенство знаний у лицеистов расписание занятий в течение учебного года подвергалось частым переменам. Профессора и адъюнкты, помимо своего предмета, были вынуждены заниматься по мере надобности языковой подготовкой воспитанников. Например, в последние месяцы 1812 г. Куницыну приходилось вести 10 часов в неделю французского языка и шесть часов латинского. Из нравственно-политических наук в расписание занятий была включена одна логика, на изучение которой отводилось лишь два часа в неделю.

Еще одним существенным недостатком лицейского преподавания первых лет было отсутствие учебных пособий, к созданию которых И.К. Кайданов, Н.Ф. Кошанский и А.П. Куницын приступили уже после открытия Лицея в процессе чтения лекционных курсов. К 1817 г. лицеисты уже располагали печатными руководствами в области «нравственных наук», словесности и языков. Среди них следует выделить «Изображение взаимной связи государственных сведений» Куницына (1816) и составленные Кайдановым «Основания всеобщей истории» (1814). В области древних языков и словесности дело обстояло лучше. С 1812 по 1815 гг. к печати был подготовлен ряд учебников с переводами античной литературы, выполненными Кошанским.

Разработка полных печатных курсов по истории и правоведению, требовала более кропотливой исследовательской работы, нежели переводы текстов Федра и Корнелия Непота. Однако, в отличие от лицеистов, профессора не располагали творческими досугами. Преподавание большого количества смежных дисциплин, обязанность проводить время с лицеистами во внеурочные часы, и многочисленные заботы управленческого характера серьезно отвлекали лицейских наставников от научных занятий. У Куницына

много времени уходило на устройство библиотеки, которой он занимался по поручению лицейской Конференции. После смерти В.Ф. Малиновского - первого директора Лицея - Куницын некоторое время исполнял административные обязанности. В результате сочиненное им под воздействием кантианства «Право естественное» было напечатано только в 1818 г. Судя по учебным конспектам будущего имперского канцлера А.М. Горчакова, выполненным на основе историко-правовых лекций Куницына, многие положения данной книги были хорошо знакомы лицеистам еще до ее выхода. Известно, что в 1811 г. Куницын подготовил печатный курс ифики (этики – Е. С.), но так и не доработал его.

В этих затруднениях наиболее негативная роль, безусловно, принадлежала обилию читаемых Куницыным учебных дисциплин, которые состояли из 12-ти разделов. В них последовательно входили логика, психология, нравственные науки, право естественное частное, право естественное публичное, право народное, право гражданское русское, право публичное русское, право уголовное русское, право римское, политическая экономия, финансы. К этому перечню в тетрадях Горчакова добавлены записи по курсу права религиозного, наряду с «изображением системы политических наук, где на основе «Общественного договора» Ж.Ж. Руссо подробно разбирались различные формы правления и их взаимосвязь с целями гражданского общества в различные периоды истории.

Исторические аспекты изучения права привлекали внимание Куницына возможностью теоретико-практического обоснования решающего воздействия принципа законности на политическую стабильность государственного строя, что вполне соответствовало официальному правовому обоснованию реформ Александра I. По мнению Куницына, залогом стабильности и благополучия всех политических образований является сильная законодательная власть, исторические корни которой он возводил к античной демократии. Законодателю принадлежит право «определять средства для цели государства». При любой форме правления «законы должны быть всеобщими, т. е. всех граждан равно обязывающие и всем предоставляющие равные права и обязанности». Таким образом, даже при самой демократической форме правления закон регулирует взаимодействие между государством и «гражданином», никогда не

предоставляя последнему абсолютной свободы (3. С. 83, 90 – 114, 116).

Насильственные действия для отмены несовершенного закона Куницын расценивал как нежелательные, противоречащие природе человека, приводя при этом множество исторических примеров законодательных перемен без отмены существующего государственного порядка. Историческая основа присутствует и в разработанных им аргументах в пользу договорной природы отношений подданства и необходимости конституционного режима в монархическом правлении.

Мысль Куницына о том, что «каждое правление законно, которое учреждается законным образом» оказалась не чуждой и концептуальному осмыслению роли закона в укреплении политической основы российской монархии применительно к николаевской России. В 1834 г. последовало распоряжение Николая I сократить в Лицее количество часов по математике и военному делу. Для углубления знаний в юридических науках лицейские выпускники должны были в обязательном порядке посещать университетские занятия, а потраченное на это время впоследствии засчитывалось в выслугу лет с сохранением жалования. К 1843 г. Лицей был выведен из временного подчинения военному министру, которое состоялось за три года до кончины Александра I, и приступил исключительно к подготовке гражданских служащих. Возрождение интереса правительственной элиты к юридическому образованию высшего сословия в значительной мере было опосредовано усложнением законотворческой и правоприменительной деятельности государства в связи с окончанием кодификации выходом Свода законов Российской империи. К тому времени Куницын уже являлся сотрудником II отделения Собственной Е.И. В. канцелярии и принимал активное участие в систематизации законодательства наряду с некоторыми бывшими лицеистами первого выпуска.

Разумеется, историко-юридические взгляды Куницына не усваивались его выпускниками в виде готовых постулатов. Время и обстоятельства вносили свои коррективы, заглушая по признанию И.И. Пущина «обыкновенную рассудительность». Если предположить, что разговоры в куницынских классах «о правах естественных» привели отдельных лицеистов в тайные общества декабристов, то впоследствии их стремление проанализировать собственные

поведенческие стратегии в событиях 14 декабря вновь возвращали к лицейским урокам. В письме родным от 13 декабря 1833 г. И.И. Пущин выносит себе приговор с профессиональной, юридической точки зрения: «Я обвиняю себя безусловно: то, что мы сделали перед законом – худо, мы преступники и постигшая нас гибель справедлива» (1. С. 96 – 97). Тот же нравственно-правовой источник находится в основании широко известных размышлений А.С. Пушкина о сущности русского бунта, всегда «бессмысленного и беспощадного».

Политико-историческая концепция Куницына не является бесспорной. Вопрос о степени самостоятельности его юридических взглядов ставился российскими правоведами еще в конце XIX в. По разному можно относиться и к трансформации правосознания ряда куницынских учеников, которые к тому же неоднозначно воспринимали охранительные тенденции николаевского правления. Спорным является и вклад Царскосельского Лицея первых лет его существования в подготовку профессиональных правоведов. Тем не менее, приведенный сюжет свидетельствует о наличии некоторой доли универсализма в оценочных критериях педагогического мастерства, без которого научные истины, провозглашенные в студенческих аудиториях, останутся сухим академическим штампом даже при самых благоприятных политических и социокультурных обстоятельствах.

Литература:

1. Грот К.Я. Пушкинский Лицей (1811 – 1817). Бумаги I-го курса. СПб., 1911.
2. Дмитриев С.С. Грановский и русская общественность // Грановский Т. Н. Лекции по истории Средневековья. М., 1987. С. 336 – 362.
3. Лицейские лекции (по записям А. М. Горчакова) // Красный архив. 1937. Т. I (80). С. 84 – 116.
4. Ломоносов М. В. Проект регламента московских гимназий. О наставлении школьников // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. М.-Л., 1952. Т. 9. С. 444 – 456.
5. Материалы для истории Лицея, собранные библиотекарем Лицея И. Селезневым. СПб., 1856.
6. Селезнев И. Я. Исторический очерк Императорского бывшего Царскосельского ныне Александровского лицея за первое его пятидесятилетие с 1811 по 1861 г. СПб., 1861.
7. Соколова Е. С. Юридическое образование русских дворян как элемент сословной политики абсолютизма начала XIX в. (на примере

Императорского Царскосельского Лицея) // Историко-юридические исследования российского и зарубежного государств. Межвузовский сборник научных трудов / Отв. ред. Е. Р. Кастель, Е. С. Соколова. Екатеринбург, 1998. С. 36 - 41.

УДК

371.124:93(091)''19''

ББК 4403(2)6

ГСНТИ 03.23.31

Код ВАК 07.00.02

О.С. Уколова

Екатеринбург

**ПРЕПОДАВАТЕЛИ ИСТОРИИ В СОСТАВЕ
ГОРОДСКОГО УЧИТЕЛЬСТВА ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ
НА РУБЕЖЕ XIX – XX ВВ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАПК И
ГАСО)**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: преподаватели истории, городское учительство, Пермская губерния, формулярный список, гимназии, реальные училища.

АННОТАЦИЯ: В статье предпринята попытка охарактеризовать социальное положение, профессиональную и общественную деятельность преподавателей истории в составе городского учительства Пермской губернии на рубеже XIX – XX вв..

O.S. Ukolova

Yekaterinburg

**HISTORY TEACHERS AS PART OF THE CITY OF PERM
PROVINCE TEACHING AT THE TURN OF XIX - XX
CENTURIES (BASED ON THE DOCUMENTS OF SAPR
AND SASR)**

KEY WORDS: history teachers, urban teaching, Perm Province, formulary list, grammar, real school.

ABSTRACT: Article is devoted to the social status, professional and social activities of history teachers as part of the city of Perm province teaching at the turn of XIX - XX centuries.

Структура городской школы Российской империи, в т.ч. Пермской губернии, на рубеже XIX – XX вв. была значительно сложнее, чем в настоящее время. Это обусловило сложную структуру